

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА МИРА. К 200-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

УДК 821.111(73)

«ОН БЫЛ РОЖДЕН ДЛЯ СЛАВЫ, ДЛЯ НАДЕЖД И ВДОХНОВЕНИЙ МИРНЫХ...»: МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ¹

© Галина Борисовна БУЯНОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук, доцент кафедры
русской и зарубежной литературы, e-mail: galina_buyanova@mail.ru

Рассмотрены основные этапы жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. На основе анализа произведений поэта, писем, адресованных родственникам и друзьям, многочисленным воспоминаниям современников восстанавливаются подробности жизненного и творческого пути писателя, выделяются важнейшие произведения, созданные в тот или иной период творчества. Подчеркнуто, что М.Ю. Лермонтов является продолжателем лучших традиций русской словесности, преемником А.С. Пушкина. Его поэзия родилась в ту эпоху, когда ушла в прошлое героическая эпоха 1812 г. и лучшие силы русской дворянской интеллигенции были разгромлены. Лирический герой поэзии М.Ю. Лермонтова, его драм и прозы напряженно размышляет о своем призвании, о невозможности реализовать силы и способности в живом, необходимом Отечеству деле, живет мечтой о подвиге. Масштаб и характер разнообразных отношений лирического героя лермонтовской поэзии с Богом, с Небом, с природой, с людьми объясняют «Не обвиняй меня, всесильный», «Ветка Палестины», «Три пальмы», «В минуту жизни трудную», «Я, Мать Божия, ныне с молитвою...», поэма «Демон», роман «Герой нашего времени» и другие произведения писателя. Уделяется внимание биографизму лермонтовского творчества, редкому дару перевоплощения, присущему М.Ю. Лермонтову, пронзительному лиризму его произведений. Центром художественной системы лермонтовского творчества является душа автора – бесстрашная, пылкая и искренняя, творчество поэта рассматривается как одна из самых значительных духовных вершин русской литературы.

Ключевые слова: тематика лермонтовской лирики; традиции русской словесности; ощущение избранничества и обреченность на одиночество; биографизм творчества; лермонтовский лиризм; формирование русской реалистической прозы; духовная вершина отечественной литературы.

...Осенью 1839 г. редактор-издатель журнала «Отечественные записки» А.А. Краевский обсуждал с литературным критиком И.И. Панаевым возможность публикации поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» и сожалел о том, что у автора не осталось чернового варианта полного текста поэмы – отдал читать знакомым барышням: «Таков мальчик уродился!» [1, с. 310].

Для того чтобы родился этот мальчик – великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов, – судьбе было угодно соединить Юрия Петровича Лермонтова, чьи предки были выходцами из Шотландии и служили

русскому царю и России с 1633 г., и Марию Михайловну Арсеньеву – наследницу – по матери, урожденной Елизавете Алексеевне Столыпной, – русского богатого и влиятельного рода Столыпиных.

Творец щедро наградил Лермонтова талантами и воображением необычайной силы. В 1830 г. поэт писал: «Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну, на разновидности облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее: будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства» [2, с. 357]. Пожалуй, ни у одного русского писателя нет таких удивительных глаз и редкого дара перевоплощения: «Я один раз ехал в грозу, куда-то; и помню облако, которое небольшое, как бы

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 13-34-01016.

оторванный клочок черного плаща, быстро несло по небу: это так живо передо мною, как будто вижу...» [2, с. 357]. Облако напомнило поэту волновавшего его душу Демона – и запечатлелось в памяти навсегда. Лермонтов – это поистине очарованная красотой природного мира душа – пылкая, страстная, ищущая действия, стремящаяся к чудесному:

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! – Жажда бытия
Во мне сильнее страданий роковых...

[3, т. 1, с. 293]

Из многочисленных описаний биографии поэта известно, что детские впечатления Лермонтова не ограничивались средней полосой России. Чтобы укрепить здоровье внука, Е.А. Арсеньева трижды возила его к Кавказским минеральным водам в Горячеводск, впоследствии переименованный в Пятигорск. Это было летом 1818, 1820 и 1825 гг. [4]. В воспоминаниях тамбовца, преподавателя-филолога Алексея Петровича Острякова есть свидетельство о том, что во время одной из этих поездок Лермонтов с бабушкой останавливался в Тамбове: «Нотариус Телепнев жил со своей сестрой госпожой Сенчуковой и ее двумя дочерьми, в то время девочками 10–12 лет. <...> В Тамбове Телепнев имел дом на месте выстроенной потом Михайловым Павлом Ильичом гостиницы, переименованной в советские уже годы «Цной», что около памятника Ленину и против театра (бывшего Дворянского собрания). В этом доме в 1824 г. (год указан неточно, путешествие состоялось летом 1825 г. – Г. Б.) останавливалась пензенская помещица Елизавета Алексеевна Арсеньева со своим внуком, ставшим впоследствии гениальным русским поэтом, но непоправимо для последующей русской культуры погибшим на дуэли с Мартыновым в 1841 г. у подошвы горы Машук близ Пятигорска и оставившим в душе каждого образованного человека неизгладимый след, имя которому Лермонтов» [5, с. 64]. Телепневы – дворянский род, происходящий, по Общему Гербовнику, от князей Телепневых-Оболенских, а по росписи, поданной Телепневыми в разряд в конце XVII в. – от

польского выходца Степана Телепнева. Многие Телепневы служили в XVII в. стольниками и стряпчими. Род Телепневых внесен в родословные книги Костромской, Московской, Орловской, Ярославской, Тамбовской губерний [6, с. 807].

«Сенчуковы-Телепневы, – продолжает в воспоминаниях А.П. Остряков, – хранили реликвии, оставшиеся от пребывания Лермонтова-мальчика и Лермонтова-автора «Кавказчейши», в гостях у их прабабки и прадеда: рисунок Миши Лермонтова и ножичек, подаренный им тогда десятилетней девочке, его ровеснице, бабке госпожи Сенчуковой и нотариуса Телепнева (ее брата)» [5, с. 64].

Лермонтов запечатлел увиденное на Кавказе в ранних лирических стихотворениях «Грузинская песня», «Черкешенка», «Люблю я цепи синих гор...», «Прощанье», «Кавказу», «Кавказ», «Утро на Кавказе», «Крест на скале», «Прими, прими мой грустный труд...», в поэмах «Черкесы», «Кавказский пленник», «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Каллы», возвращался к кавказской теме в зрелой лирике – «Валерик», «Спор», «Дары Терека», «Тамара» и поэмах «Мцыри» и «Демон», на Кавказе происходит действие в повестях романа «Герой нашего времени» («Бэла», «Максим Максимыч», «Фаталист»). Сам факт постоянного обращения мысли поэта к чарующему его воображение краю гор и облаков показывает, насколько сильным было обаяние этого края и его воздействие на душу поэта. Лермонтов прожил на Кавказе в общей сложности не много времени, но чувством и мыслью он сжился с ним настолько, что Кавказ стал для него второй родиной, любимым краем его поэтического вдохновения. Лермонтов был «человеком уникального внутреннего устройства» [7, с. 15] и, вероятно, именно в горах Кавказа особенно обострялись чувства поэта, его живая, тонко чувствующая душа ощущала отеческую любовь Творца, дарящего ему счастье услышать материнский голос («В младенческих летах я мать потерял/ Но мнилось, что в розовый вечера час/ Та степь повторяла мне памятный глас...») и почувствовать красоту мира. Он возвращался в Тарханы переполненным впечатлениями и, спустя годы, вспоминал, как гений его поэзии начал расправлять крылья: «Горы Кавказские для меня священны! Вы взлелеяли детство

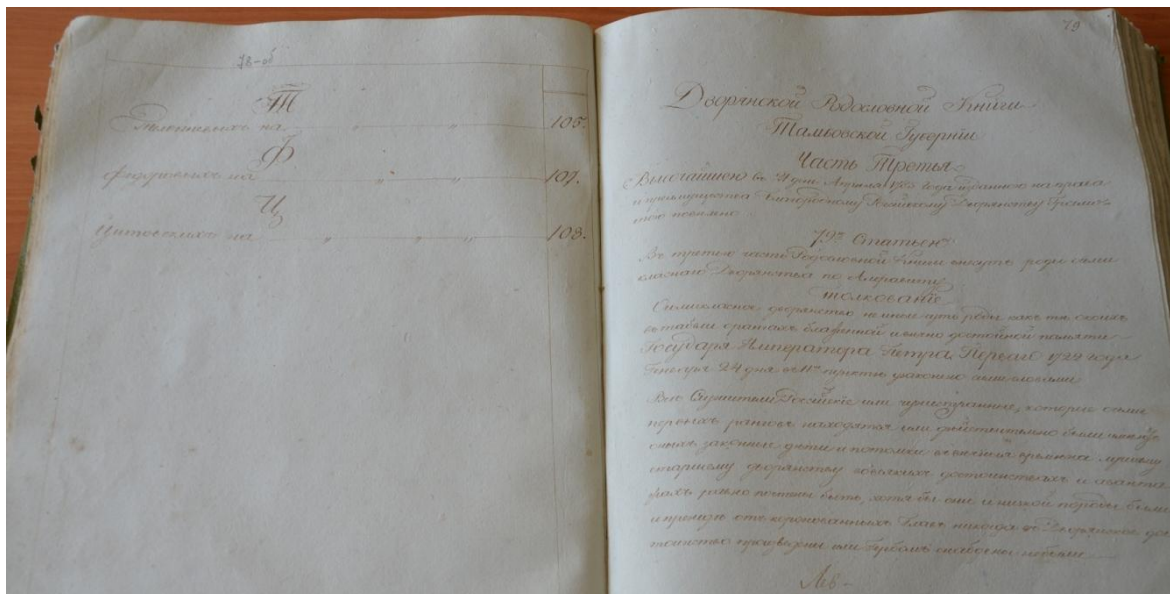

Фото 1. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1965. Л. 78. Страница Родословной книги дворян Тамбовской губернии с указанием дворянского рода Телепневых.

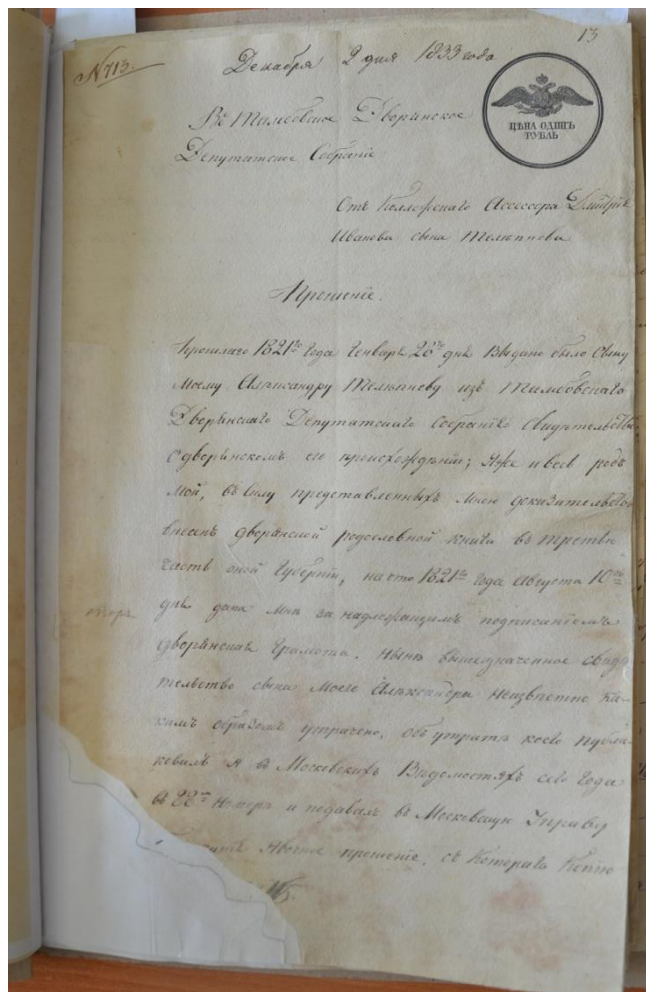

Фото 2. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2083. Л. 13. Страница Дела о дворянстве рода Д.И. Телепнева.

мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе. Как я любил твои бури, Кавказ!.. Воздух там чист, как молитва ребенка, и люди, как вольные птицы, живут беззаботно; и в смуглых чертах их душа говорит... Все, все в этом крае прекрасно!» [8, т. 2, с. 26].

Первые поэтические опыты Лермонтова относятся к эпохе его поступления в Московский Благородный пансион и обучения в нем. В 1828 г. написаны «Осень», «Заблуждения Купидона», «Цевница», поэмы «Кавказский пленник» и «Корсар», в 1829 – «Жалобы турка», «Русская мелодия», «Мой демон», «Монолог», первая редакция поэмы «Демон». Пожалуй, одно из самых значительных стихотворений, созданных в это время, – «Молитва» («Не обвиняй меня, все сильный...»). Лермонтовед Д.П. Муравьев подчеркивал, что эта молитва – одна из вершин ранней лирики Лермонтова (наряду с «Ангелом» и «Парусом») [9, с. 283]. «По форме, – считает В.И. Сиротин, – это молитва и покаяние» [10, с. 188]; оно «преисполнено неподдельной искренности, что делает его похожим на исповедь» [10, с. 189]. Исповедь в данном случае – своеобразная «биография души» автора, который сосредоточивает внимание на собственном внутреннем мире, его двойственности, своих тайнах и откровениях. Лермонтовская молитва – это попытка понять собственную душу, объяснить неясные душевные движения и свое назначение на земле, причины такого тягостного и рано ставшего неизбежным одиночества:

Не обвиняй меня, все сильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденьи бродит
Мой ум далеко от тебя... [3, т. 1, с. 76]

Лирический герой объясняет свои ошибки, оправдывается, подчиняется воле Творца: «Не обвиняй меня, все сильный,/ И не карай меня, молю...», благодарит за бесценный дар стихотворства – «чудный пламень», которым награжден, надеется на понимание Создателя, и в подтексте стихотворных строк чита-

ется: «Прости меня и прими таким, каков я есть, каким Ты меня создал!».

Учеба в Московском университете была для Лермонтова временем критическим, переломным, периодом напряженной работы ума. «Замкнутый в себе с детства, поэт подходил к людям недоверчиво, опасливо. <...> Но в то же время потребность высказаться была настоятельная. Оставалось чаще беседовать с самим собой в своих стихотворениях. Он доверял только перу своему, только в стихах выражал сокровенные мечты» [11, с. 73] – пишет о времени студенчества поэта С.В. Иванов. К восемнадцати годам Лермонтов уже был автором трех драм («Испанцы», «Люди и страсти», «Странный человек»), незавершенного романа «Вадим», пятнадцати поэм (среди которых «Последний сын вольности», «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей», «Ангел смерти»), двух редакций «Демона», более двухсот пятидесяти стихотворений. Известия о революционных событиях во Франции (июль 1830 г.), мечты о свободе, высокие идеалы гражданственности, увлеченность поэзией Байрона, с которым Лермонтов «был неразлучен», определили яркий романтический пафос лирики юного поэта:

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны... [3, т. 1, с. 207]

.....
Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали... [3, т. 1, с. 243]

Высокие чувства, сильные страсти руководили поэтом и делали его героев похожими на него самого, а автора сближали с персонажами созданных им произведений. «Лермонтов доверчиво и всерьез принял романтические идеи. Он почувствовал себя героем, который хочет переделать весь мир, бросая ему вызов и испытывая неутолимую жажду победы, – пишет В.И. Коровин, – <...> романтические книжные мотивы он сделал личными и стремился претворить в своем жизненном опыте. И свою жизнь – внешнюю и внутреннюю – Лермонтов хотел построить в соответствии с романтическими представ-

лениями, вычитанными из книг» [12, с. 143]. Именно поэтому «ранние стихи Лермонтова – это особое сотворенное им пространство, особое энергетическое поле его проявленной словом души. Души, которая уже наяву соприкоснулась с социальными, бытовыми, чувственными особенностями века, с идеями и надеждами своего времени. В них есть все, что, наверное, и должно быть в стихах молодого поэта: возвышенные чувства и лирические страсти, попытки разобраться в себе, следы усвоенной культуры, начитанности, пока еще неутоленные и оттого болезненные сомнения» [13, с. 38].

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч путеводитель.
Что хвала иль гордый смех людей!
[3, т. 1, с. 382],

– читаем в стихотворении Лермонтова «Мы случайно сведены судьбою...» и понимаем, что вот уже 200 лет мир удивляется этой – не имеющей подобия – Жизни Поэта, о которой В.Г. Белинский написал образно и точно: «Его жизни суждено было проблеснуть блестящим метеором, оставить после себя длинную струю света и благоухания и – исчезнуть во всей красе своей» [14].

Тематика лермонтовской лирики определилась очень рано, в стихотворениях начала 1830-х гг., – и ядро ее, развиваясь, оставалось неизменным до конца его творчества. Ощущение собственного избранничества и обреченность на одиночество, вечное противоречие и столкновение добра и зла, жажда действия и понимание невозможности реализовать свои силы, ясное осознание несправедливости бытия, вражда с Небом из-за несправедливого мироустройства и страстное желание найти успокоение и гармонию – эти темы объединяют десятки стихотворных произведений, драм и прозу писателя.

Известно, что 1 июня 1832 г. после неудачных экзаменов Лермонтов был вынужден подать прошение об увольнении из университета: «...по домашним обстоятельствам более продолжать учение в здешнем университете не могу и потому правление императорского Московского университета покорнейше прошу, уволив меня из оногo, снабдить надлежащим свидетельством, для перевода в императорский Санкт-Петербургский

университет» [15, с. 405]. Оказавшись в Петербурге, поэт в письме к М.А. Лопухиной напишет о Москве с такой любовью и нежностью, что иначе, чем признанием в любви, эти строки назвать трудно: «...Москва моя родина и такою будет для меня всегда: там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив!» [2, с. 402]. Москва Лермонтова – это дом, принадлежавший генерал-майору Ф.П. Толю на улице Красноворотской, в котором он родился, церковь Трех Святителей, в которой крестили младенца, это дом В.М. Лаухиной на Поварской и Ф.И. Черновой на Малой Молчановке, где они с бабушкой жили во время учебы поэта в пансионе и университете. Москва – это первые очарования и разочарования Лермонтова в любви...

Москва подарила Лермонтову встречу с Варенькой Лопухиной. «Это была привязанность глубокая, всю жизнь сопровождавшая поэта. Образ этой девушки, а потом замужней женщины, является во множестве произведений нашего поэта и раздваивается потом в «Герое нашего времени», в лицах княжны Мери и, особенно, Веры» [4, с. 134], – пишет П.А. Висковатов о Варваре Александровне Лопухиной, с которой Лермонтов познакомился в ноябре 1831 г.

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилась с душою;
Хоть пути не кончить им вдвоём! [3, т. 1, с. 382]

– читаем в стихотворении «Мы случайно сведены судьбою...» пророческие слова поэта, адресованные ей.

«Оставь напрасные заботы», «Она не гордой красотою», «Расстались мы, но твой портрет», «Слова разлуки повторяя», «У ног других не забывал», «Валерик», «Мой друг, напрасное старанье», «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), посвящение к редакции Демона» 1838 г. – все это ей, «милый, умный, как день, в полном смысле восхитительной», «пылкой, восторженной, поэтической и в высшей степени симпатичной» [16, с. 37-38] Вареньке Лопухиной. Один из самых прозорливых биографов М.Ю. Лермонтова Ю.Н. Беличенко писал о силе чувств Варвары Александровны к Лермонтову и о том, что «это была любовь на всю жизнь», следующее: «Именно ее (Варвары Александровны. – Г. Б.) простая и трогательная судьба

убеждает меня в том, что бескорыстная женская любовь все-таки существует. Она готова была пойти за ним куда угодно, но он не готов был взять на себя сердечный и нравственный груз такой ответственности» [13, с. 43]. Это простое и грустное суждение отражает жизненную правду: в пору рождения их удивительной любви Лермонтов был слишком молод для того, чтобы самостоятельно принять такое важное для обоих решение, как женитьба. Пройдет много лет, прежде чем появятся строки «Валерика», в которых поэт напишет горько и светло:

...В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню – да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;

И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, – но вас
Забыть мне было невозможно... [3, т. 2, с. 159]

Варенька Лопухина и была той самой «родной душой», которую поэт обрел в ранней юности, нежданно потерял и затем безнадежно искал всю жизнь...

В июне 1832 г. Лермонтов отправился в Петербург с целью продолжить учебу в Петербургском университете, но «Петербург не сразу завладел вниманием юного поэта. Много ему здесь чуждо и не по душе, – пишет о начале петербургского периода жизни поэта В.А. Мануйлов. – Разъезжая по северной столице, знакомясь с ней и ее окрестностями, Лермонтов постоянно возвращался в своих мыслях к Москве» [17, с. 5-6]. А в письме поэта от 28 августа 1832 г. С.А. Бахметевой читаем: «До самого нынешнего дня я был в ужасных хлопотах; ездил туда сюда, к Вере Николаевне Столыпину на дачу и проч., рассматривал город по частям и на лодке ездил в море – короче, я ищу впечатлений, каких-нибудь впечатлений!... Наконец я догадался, что не годюсь для общества, и теперь больше, чем когда-нибудь; вчера я был в одном доме NN, где, просидев 4 часа, я

не сказал ни одного путного слова; у меня нет ключа от их умов – быть может слава богу! <...> Одна вещь меня беспокоит: я почти лишился сна – Бог знает, надолго ли; не скажу, чтоб от горести; были у меня и больше горести, а я спал крепко и хорошо; – нет, я не знаю: тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожным человеком, меня мучит» [2, с. 393-394]. Московские неудачи – и на университетском поприще, и в личных отношениях – задевали самолюбие, заставляли глубоко страдать, вызывали неуверенность и усугубляли чувство одиночества.

2 сентября 1832 г. в письме к М.А. Лопухиной Лермонтов посылает одно из лучших своих стихотворений – «Парус». «Внешне стихотворение напоминает простую пейзажную зарисовку с вполне конкретными и точными образами бушующей и умиротворенной стихии, – размышляет В.И. Коровин. – На фоне этих конкретных образов и через них выступает глубокий философский смысл стихотворения» [18, с. 31]. Образы моря, морского ветра и волны, челнока, морской пучины, характерное сравнение морской волны с человеческой жизнью к моменту написания «Паруса» уже заявлены в лирических стихотворениях Лермонтова «Венеция» (1829), «Додо» (1830), «Ты молод, цвет твоих кудрей...» (1831), «Гроза шумит в морях...» (1830), «К...» (1830), но именно в «Парусе» белый парус приобрел символическое звучание, особое значение, стал основой лермонтовского поэтического мироздания. «Парус» – символическое стихотворение, философский смысл которого понятен благодаря главному образу – парусу, становящемуся вторым «я» автора и проживающему целую жизнь. Читатель заглядывает в его прошлое, видит, как, затерянный в море, борется парус со стихией, радуется выглянувшему после шторма солнечному лучу и лазури, пытается разгадать его судьбу:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой... [3, т. 2, с. 30]

Природа у Лермонтова наделена душой, очеловечена, поэтому легко ассоциируется с человеческими переживаниями, а образ паруса помогает поэту передать ощущение полного одиночества лирического героя стихотворения. Он одинок среди житейского моря, окутан туманом, но не бессилен – «просит

бури». Лермонтовский парус – символ жизненной активности, символ душевного непокоя, вечной неудовлетворенности и поиска, отражающий жизненную позицию лирического героя-романтика, натуру самого поэта.

Осенью 1832 г. Михаил Юрьевич Лермонтов был зачислен в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Учеба в Школе и строго регламентированная жизнь человека военного для свободолюбивого Лермонтова была серьезным испытанием. В письме М.А. Лопухиной 4 августа 1833 г. поэт писал: «Единственно, что придает мне сил, – это мысль, что через год я офицер. – И тогда, тогда... Господи! Если бы вы знали, что за жизнь я собираюсь вести!.. О, это будет чудесно: во-первых, причуды, всякого рода дурачества, поэзия, утопающая в шампанском!» [2, с. 415]. Лермонтов, оказавшийся в среде своих сверстников – молодых людей, которые были наследниками известных дворянских фамилий, стремился утвердиться в их глазах. За год казарменной жизни в Школе Лермонтов переменялся и физически, и нравственно. Он возмужал, окреп и даже несколько огрубел. «Следы домашнего воспитания и женского общества исчезли», – отмечает в воспоминаниях А.П. Шан-Гирей [16, с. 41].

Литературным выражением этого периода стали юнкерские стихотворения и поэмы Лермонтова, правдиво запечатлевшие казарменный быт Школы и привычки дворянской военной молодежи. Списки юнкерских поэм, дошедшие до нас, интересны как первые опыты поэта в области бытовой реалистической поэмы, непосредственно предшествовавшие поэмам «Монго» и «Тамбовская казначейша». Однокашник Лермонтова по Школе Н.Н. Манвелов вспоминал: «В год своего производства в офицеры Лермонтов представил нашему преподавателю словесности Плаксину² <...> сочинение свое в стихах «Хаджи Абрек», по прочтении которого Плаксин тут же на своей кафедре, поднявшись со стула, торжественно произнес: «Приветствую будущего поэта России!» [19, с. 186]. Восторг преподавателя понятен. В поэме «Хаджи Абрек» начинающий поэт

продемонстрировал удивительное мастерство в создании романтической поэмы – в разработке романтического сюжета, характера романтического героя, создании яркого романтического пейзажа. Очень требовательный к себе, Лермонтов, вероятно, не опубликовал бы поэму, если бы не Николай Дмитриевич Юрьев, дальний родственник и товарищ его по Школе, который, после тщетных стараний уговорить Лермонтова печатать свои стихи, передал, втайне от него, поэму «Хаджи Абрек» издателю Сенковскому, и она в одно прекрасное утро появилась напечатанною в «Библиотеке для чтения».

«По производстве в офицеры он начал вести рассеянную и веселую жизнь, проводя время зимой в высшем кругу петербургского общества и в Царском Селе, в дружеских пирушках гусарских», – вспоминал А.М. Меринский [20, с. 174]. Каким Лермонтов был в ту пору? Воспоминания товарищей поэта довольно ярко воспроизводят его облик. Литератор В.П. Бурнашев пишет: «Подходя к дверям квартиры Синицына³, я почти столкнулся с быстро сбегавшим с лестницы и жестоко гремевшим шпорами и саблею по каменным ступеням молоденьким гвардейским гусарским офицером в треугольной, надетой, с поля, шляпе, белый, перистый султан которой развевался от сквозного ветра. Он слегка задел <...> мою камлотовую шинель длинным капюшоном своей распахнутой и почти распушенной серой офицерской шинели с красным воротником и, засмеявшись звонко на всю лестницу <...>, сказал, вскинув на меня свои довольно красивые, живые, черные, как смоль, глаза, принадлежавшие, однако, лицу бледному, несколько скуластому, как у татар, с крохотными тоненькими усиками и с коротким носом, чуть-чуть приподнятым, именно такой, какой французы называют nez ата cousin (вздернутый нос): «Извините мою гусарскую шинель, что она лезет без спросу целоваться с вашим гражданским хитоном», – и продолжал быстро спускаться с лестницы, по-прежнему гремя ножнами сабли, не пристегнутой на крючок, как делали тогда все светские благовоспитанные кавалеристы» [21, с. 208].

Лермонтов старался утвердиться в свете, который интересовали «парады и разводы

² Словесный курс читал в Школе В.Т. Плаксин – автор «Краткого курса словесности, приспособленного к прозаическим сочинениям», «Руководства к познанию истории литературы», «Энциклопедического лексикона», личность, видимо, очень интересная.

³ Афанасий Иванович Синицын – однокашник М.Ю. Лермонтова по юнкерской школе.

для военных», «придворные балы и выходы для кавалеров и дам, награды в торжественные сроки праздников 6 декабря, в новый год и в Пасху, производство в гвардейских полках и пожалование девиц во фрейлины, а молодых людей в камер-юнкеры», «представителями коего были не Лермонтов и Пушкин, а молодеватые Скалозубы и всепкорные Молчалины», – писал Н. Котляревский [22, с. 34]. А.В. Дружинин, оценивая положение молодого офицера в петербургском окружении в те годы, отмечал: «Лермонтов принадлежал к тому кругу петербургского общества, который составляет какой-то промежуточный слой между кругом высшим и кругом средним, и потому не имеет прочных корней в обоих. По роду службы и родству он имел доступ всюду, но ни состояние, ни привычки детских лет не позволили ему вполне стать человеком большого света. В тридцатых годах, когда разделение петербургских кругов было несравнимо резче, чем теперь, или когда, по крайней мере, нетерпимость между ними проявлялась сильнее, такое положение имело свои большие невыгоды» [23, с. 633]. Лермонтов это видел, понимал и даже пытался вести себя так, чтоб утвердиться в высшем свете, – он посещает балы и праздники, бывает в театре и гостиных, с его именем в свете связывают скандальные любовные истории...

Но поведение Лермонтова было своего рода маской, за которой скрывалась от «завистливого и душного света» серьезная душевная работа поэта. Его друзья – даже те, над которыми он подтрунивал и иногда довольно колко! – ощущали это: «Мы любили Лермонтова и дорожили им; мы не понимали, но как-то чувствовали, что он может быть славою нашей и всей России», – писал А.Ф. Тиран [24, с. 98]. А А.И. Синицын рассказывал о Лермонтове: «...вдруг откуда ни возьмись, влетает к вам товарищ по школе, курит, сыплет пепел везде, где попало, <...> швыряет окурки своих проклятых трубок в мои цветочные горшки и при этом без милосердия болтает, лепечет, рассказывает всякие глупые истории о петербургских продажных красавицах, декламирует самые скверные французские стихи, тогда как самого Бог наградил замечательным талантом писать истинно прелестные русские стихи. Так небось не допросишься, чтоб что-нибудь

свое прочел! Ленив, пострел, ленив страшно, и что ни напишет, все или прячет куда-то, или жжет на раскурку трубок своих же сорвиголов гусаров. А ведь стихи-то его это просто музыка! Да и распречестный малый, превосходный товарищ!» [24, с. 106].

Лермонтов много читал и размышлял в это время, многое менялось в его мирозерцании, – «от тревожных исканий юности к более ясным и отчетливым взглядам на жизнь, на свое призвание» [22, с. 36]. Он занимался изучением русской истории и русской народной поэзии, результатом чего стали сначала поэма «Боярин Орша», а затем – «Песня про купца Калашникова», завершенная в 1838 г. В октябре 1835 г. Лермонтов представил в драматическую цензуру при III отделении пьесу «Маскарад» и несколько раз редактировал ее по требованию цензоров. Только в 1842 г. – в первом посмертном трехтомном собрании сочинений М.Ю. Лермонтова – с многочисленными купюрами драма была опубликована.

Драма «Маскарад» стала логическим продолжением наблюдений и размышлений Лермонтова над судьбой «странного человека» в пьесах «Люди и страсти» и «Станный человек». Это пьеса многоплановая, в ее художественной структуре взаимодействуют социально-бытовой, нравственно-психологический и философский пласты. Переплетение всех этих пластов происходит на разных уровнях пьесы: образном, сюжетном, композиционном, жанрово-стилевым. Ключевые образы драмы – маскарад и маска – обретают в процессе развития действия сложное наполнение. Маскарад – символ «света», современного Лермонтову светского общества, где лица скрыты под масками, где внешняя благопристойность скрывает неискренность и зависть, пошлость и зло. Глубоко презирая маскарадное общество, главный герой пьесы, Евгений Арбенин, принадлежит ему и связан с ним и внешними, и внутренними узами. «Холодный, замкнутый, потерявший веру во все человек раскрывается перед Ниной, как Демон перед Тамарой, во всем богатстве мыслей и чувств, а потом, усомнившись, не может себе этого простить» [25, с. 6], – говорил об этом лермонтовском герое блистательный исполнитель роли Арбенина в театре и кино Н.Д. Мордвинов. Трагическое стечение обстоятельств, душа «странного» Арбенина,

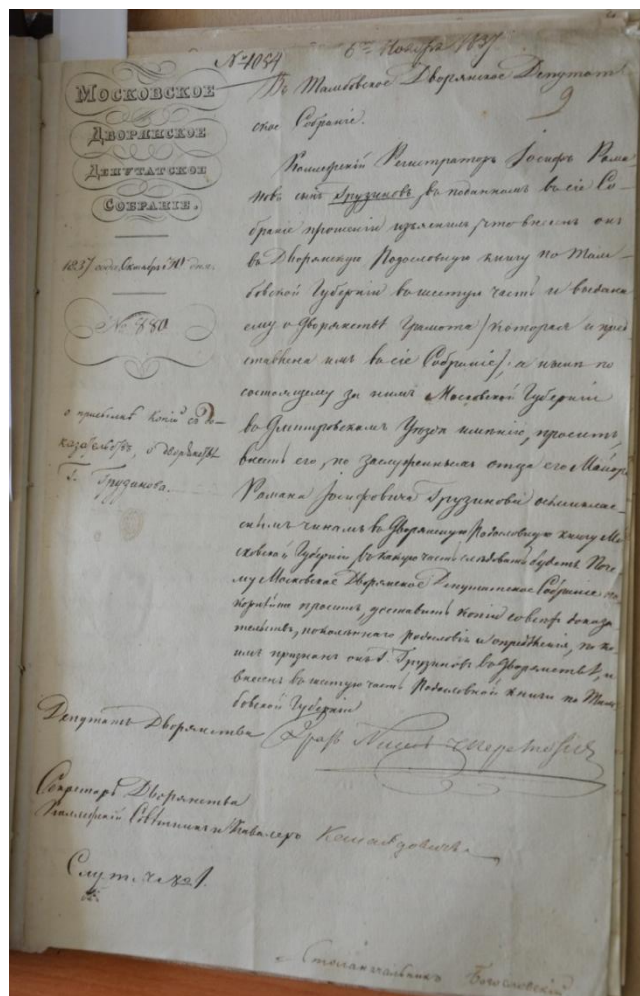

Фото 3. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2640. Л. 9. Страница Дела о дворянстве рода Грузиновых.

демоническая, «кипучая, как лава», презрение и ненависть к свету, которые Арбенин переносит на Нину, не веря ее мольбам, делают неизбежной трагическую развязку драмы – гибель героини и сумасшествие несчастного Арбенина. Смерть Нины – это не только ее смерть, это казнь обоих; Лермонтов показывает крушение могучего ума Арбенина, крушение человека, который не смог – как ни желал этого! – выйти из круга людей, к которому принадлежал.

Время работы над «Маскарадом» совпало с приближающимся первым офицерским отпуском Лермонтова и его поездкой в Тарханы, где ожидала его бабушка, Е.А. Арсеньева. 18 октября 1835 г. она писала внуку: «Милый любезный друг Мишенька. Конечно, мне грустно, что долго тебя не увижу, но,

видя из письма твоего⁴ привязанность твою ко мне, я плакала от благодарности к Богу, после двадцати пяти лет страдания любовью своею и хорошим поведением ты заживляешь раны моего сердца. Что делать, Богу так угодно, но Бог умилосердится надо мной, и тебя отпустят...<...> Стихи твои, мой друг, я читала, бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет нонешней модной неистовой любви, и невестка сказывала, что Афанасию очень понравились стихи твои и очень их хвалил»⁵ [26, с. 206].

...Из Москвы в Тарханы Лермонтов ехал через Тамбов, преодолевая расстояние в 625 верст. Он выехал из Москвы 27 декабря в 3 часа пополуночи. Если учитывать расстоя-

⁴ Письмо, о котором здесь идет речь, вероятно, не сохранилось.

⁵ Е.А. Арсеньева, вероятно, писала о поэме «Хаджи Абрек», напечатанной в «Библиотеке для чтения», и отзыве о ней А.А. Столыпина.

ние, можно предположить, что Лермонтов мог остановиться в Тамбове 29–30 декабря 1835 г. и прибыть в Тарханы 30–31 декабря, о чем Е.А. Арсеньева написала 17 января 1836 г. П.А. Крюковой: «Я через 26 лет (после смерти мужа, М.В. Арсеньева. – Г. Б.) в первый раз встретила новый год в радости: Миша приехал ко мне накануне нового года. Что я чувствовала, увидя его, я не помню, я была как деревянная, но послала за священником служить благодарный молебен. Тут начала плакать и легче стало» [26, с. 211].

Документальные свидетельства о том, где мог останавливаться Лермонтов в Тамбове в декабре 1835 года, не обнаружены. Вероятнее всего, у Иосифа Романовича Грузинова, товарища поэта по Московскому университетскому пансиону, с которым они учились вместе в 4 и 5 классе. «В 1829 году Иосиф Романович женился на дочери тамбовского помещика секунд-майора Безобразова – Софье», – писал тамбовский краевед В.П. Пешков. – В конце 1835 года <...> Грузинов жил в Тамбове. Вполне возможно, встреча старых друзей могла состояться» [27, с. 68]. Однокашниками Лермонтова по пансиону были и братья Протасьевы – Дмитрий и Федор. Оба брата были чрезвычайно способными учениками: один за успехи в учении награжден золотой медалью, другой – серебряной. Оба увлекались литературой – древней классической немецкой и современной русской, романтической. В исследовании В.П. Пешкова читаем: «...в тамбовских преданиях о М.Ю. Лермонтове упоминаются местные дворяне Протасьевы. Их дом в губернском центре, превращенный в картонный клуб, якобы посещал Михаил Юрьевич.<...> Дом, в котором размещался клуб, принадлежал близким родственникам Дмитрия и Федора Михайловичей. Где проживали братья в 1835 году? Не в Тамбове ли?» [27, с. 62]. Известные нам сегодня материалы ГАТО не дают ответов на эти вопросы. Несомненно одно: тамбовские впечатления отразились в поэме «Тамбовская казначейша», увидевшей свет в 1838 г. под измененным цензурой названием «Казначейша».

...Стихотворение «Смерть Поэта», определившее судьбу Лермонтова с момента его написания и распространения в свете, было впервые напечатано в «Полярной звезде» в Лондоне в 1856 г. под названием «На смерть

Пушкина», а в России впервые опубликовано в «Библиографических записках» только в 1858 году⁶. Оно было мгновенной – скорбной и негодующей – реакцией Лермонтова на кончину А.С. Пушкина 29 января 1837 г. «Общественная катастрофа» – так назвала гибель Пушкина дочь Николая I, княжна Ольга. И Лермонтов воспринял гибель Пушкина именно так – как общественную катастрофу и личное горе одновременно.

Дата, стоящая под стихотворением в копии при «Деле о неправомерных стихах» («28 января 1837 г.»), относится к первой части (до стиха «А вы, надменные потомки»), написанной сейчас же после разнесшейся по Петербургу вести о дуэли А.С. Пушкина и Дантеса. Стихотворение Лермонтова в первоначальном виде получило широкую известность и поначалу не вызвало негодования при дворе.

Высочайший гнев вызвали заключительные 16 строк. В.В. Стасов, бывший тогда студентом училища правоведения, вспоминал: «...проникшее к нам тотчас же, как и всюду, тайком, в рукописи, стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина» глубоко взволновало нас, и мы читали и декламировали его с беспредельным жаром, в антрактах между классами. Хотя мы хорошенько и не знали, да и узнать-то не от кого было, про кого это речь шла в строфе: «А вы, толпою жадною стоящие у трона», и т. д., но все-таки мы волновались, приходили на кого-то в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной геройским воодушевлением, готовые, пожалуй, на что угодно, – так нас подымала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламеневший в этих стихах. Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление» [3, т. 2, с. 280]. Во время следствия по делу о «возмутительных стихах» Лермонтов написал в своем объяснении: «Сам я их (стихи) никому больше не давал, но отречься от них, хотя постиг свою необдуманность, я не мог: *правда* всегда была моей святыней и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твердостью прибегаю к ней, как единственной защитнице благородного человека перед лицом царя и лицом Божьим» [3, т. 2, с. 283-284].

⁶ Текст стихотворения был неполным.

Понимая, как сурово он может быть наказан, Лермонтов не отступился и не обольстился ничем, хотя по-человечески был очень уязвим – так же, как защищенный им великий Пушкин.

25 февраля 1837 г. последовало высочайшее повеление: «Л-гв. гусарского полка корнета Лермонтова, за сочинение известных вашему сиятельству (Бенкендорфу) стихов, перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского, за распространение сих стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведения корнету Лермонтову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу, по усмотрению тамошнего гражданского губернатора» [26, с. 231-232].

В апреле 1837 г. Лермонтов уехал на Кавказ, где стоял Нижегородский драгунский полк. О своих странствиях и службе на Кавказе он писал С.А. Раевскому: «С тех пор, как я выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже... <...> Здесь, кроме войны, службы нету; я приехал в отряд слишком поздно, ибо Государь нынче не велел делать вторую экспедицию <...> Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии, как на блюдечке, и право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух – бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит – ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь» [5, с. 436-437]. Лермонтов пишет Раевскому о намерении выйти в отставку и о том, что мучит его: «Прощай, любезный друг, не забудь меня и верь все-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты через меня пострадал. Вечно тебе преданный М. Лермонтов» [2, с. 437].

Е.А. Арсеньева усиленно хлопотала о возвращении внука. В октябре 1837 г. импе-

ратор Николай I, согласно просьбам Бенкендорфа, отдал приказ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, стоявший в Новгороде. 26 февраля 1838 г. Лермонтов прибыл в Новгород и прожил здесь полтора месяца⁷. 25 марта 1838 г. Бенкендорф написал отношение военному министру Чернышеву, прося его «в особенное, личное одолжение» исходатайствовать у государя полное прощение Лермонтову. Он мотивировал свою просьбу тем, что бабушка Лермонтова (близкая и давняя его знакомая) стара и хочет провести остаток жизни с внуком, возраст же не позволяет ей переехать к нему в Новгород. Приказом от 9 апреля 1838 г. Лермонтов был переведен обратно в прежний полк и возвращен в столицу. Вернувшись в Петербург, Лермонтов начал хлопотать о Раевском, и 7 декабря 1838 г. Раевский был прощен...

1837 год – время появления не только выдающихся стихов Лермонтова на смерть Пушкина, выразивших широкий и скорбный общественный протест, но и целого ряда других: «Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива», «Я, мать Божия, ныне с молитвою», «Отворите мне темницу», «Я не хочу, чтоб свет узнал», «Не смейся над моей пророческой тоскою», «Послание», «Бородино», «Кто б ни был ты, печальный мой сосед», «Казбеку». В 1838 г. созданы «Кинжал», «Гляжу на будущность с боязнью», «Слышу ли голос твой», «Она поет – и звуки тают...», «Как небеса твой взор блистает», «Казачья колыбельная песня», «К портрету старого гусара», «Поэт», «Дума».

Е.П. Ростопчина, высоко ценившая талант и понимавшая поэтическую душу Лермонтова, в письме А.А. Дюма дала точную оценку пережитой М.Ю. Лермонтовым в 1837 г. драмы: «Эта катастрофа обратилась в значительной степени в его пользу: оторванный от пустоты петербургской жизни, поставленный в присутствие строгих обязанностей и постоянной опасности, перенесенный на театр постоянной войны, в незнакомую страну, прекрасную до великолепия, вынужденный, наконец, сосредоточиться на самом себе, поэт мгновенно вырос, и талант его мощно развернулся. До того времени все его

⁷ См. об этом: *Елец Ю.* История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Т. 1. СПб., 1898. С. 205-208.

опыты, хотя и многочисленные, были как будто только ощупывания, но тут он стал работать по вдохновению, чтобы показать свету что-нибудь свое» [28, с. 360-361].

29 октября 1838 г. в узком кругу друзей у Карамзиных Лермонтов читал новую, 4 редакцию «Демона». Об этом чтении С.Н. Карамзина сообщала сестре, Е.Н. Карамзиной: «В субботу мы получили большое удовольствие – слушали Лермонтова, <...> который читал свою поэму «Демон». Ты скажешь, что название избитое, но сюжет, однако, новый, он полон свежести и прекрасной поэзии. Поистине блестящая звезда восходит на нашем ныне столь бледном и тусклом литературном небосклоне» [26, с. 296].

По воспоминаниям современника, великий князь Михаил Павлович остроумно заметил о «Демоне»: «Были у нас итальянский Вельзевул, английский Люцифер, немецкий Мефистофель, теперь явился русский Демон, значит, нечистой силы прибыло». И тут же колко добавил: «Я только никак не пойму, кто же кого создал: Лермонтов – духа зла или дух зла – Лермонтова» [29, с. 2]. Конечно, характеристику, данную поэту великим князем, не назовешь лестной, но в ней подмечено редкое совпадение мятущейся души Лермонтова с созданным им психологическим портретом Демона. Нельзя не отметить, что поэт работал над «Демоном» в течение всей своей творческой жизни – с 1829 по 1841 г., и каждое слово поэмы было им прочувствовано, понято, пережито. Однако отождествлять Лермонтова с духом зла можно только из соображений крайней недоброжелательности к поэту...

Пожалуй, именно в четыре последних года своей короткой жизни Лермонтов работал необычайно плодотворно и публиковался в «Современнике», «Отечественных записках», «Москвитянине», «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду». Растет его литературная слава – слава защитника и преемника Пушкина в осиротевшей русской литературе. В.В. Стасов вспоминал: «Почти в каждой новой книжке «Отечественных записок» появлялось одно или несколько стихотворений Лермонтова, отрывки из «Героя нашего времени», – непременно одна большая статья Белинского и целый ряд мелких. Помню, с какой жадностью, с какой страстью мы кидались на новую книжку журна-

ла, когда нам ее приносили... брали чуть не с боя, перекупали один у другого право ее читать раньше всех; потом, все первые дни, у нас только и было разговоров, рассуждений, споров, толков, что о Белинском да о Лермонтове» [23, с. 472]. М.Ю. Лермонтов действительно стал преемником А.С. Пушкина – и в том, что касается развития русского литературного языка, и в трансформации жанровой системы русской лирики, и в процессе формирования русской реалистической прозы. Даже личные творческие планы были сходными: оба поэта пришли к выводу о необходимости отставки от службы (Пушкин – статской, Лермонтов – военной) ради литературного труда, оба связывали свою творческую будущность с изданием журнала и обращением к историческому прошлому, исторической судьбе России.

...В письме М.Ю. Лермонтова М.А. Лопухиной, написанном из Петербурга (или Царского Села) в конце 1838 г., читаем: «...Надо вам сказать, что я несчастнейший человек; вы поверите мне, когда узнаете, что я каждый день езжу на балы. Я пустился в большой свет. В течение месяца на меня была мода, меня буквально рвали друг у друга... Все эти люди, которых я поносил в своих стихах, стараются льстить мне. Самые хорошенькие женщины выпрашивают у меня стихов и хвастаются ими как триумфом. Тем не менее я скучаю» [2, с. 447]. Лермонтов говорит с М.А. Лопухиной «как с своей совестью» и совсем по-печорински признается в том, что достиг того, о чем некогда мечтал: «Вы знаете, что самый мой большой недостаток – это тщеславие и самолюбие; было время, когда я как новичок искал доступа в это общество; это мне не удавалось: двери аристократических салонов были закрыты для меня; а теперь в это же самое общество я вхожу уже не как проситель, а как человек, добившийся своих прав. Я возбуждаю любопытство, передо мной заискивают, меня всюду приглашают...» [2, с. 448] – и пророчески завершает: «...приобретенный опыт полезен в том отношении, что дал мне оружие против общества: если оно будет преследовать меня клеветой (а это непременно случится), у меня хоть будет средство отомстить; нигде нет ведь столько подлости и столько смешного, как там...» [2, с. 448]. Таким было отношение Лермонтова к свету, убившему Пушкина.

Но был и другой свет – петербургский литературный круг, в который вошел поэт: В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, В.Г. Белинский, А.А. Краевский, В.Ф. Одоевский, В.А. Соллогуб, М.Ю. Виельгорский. В общении с истинными почитателями искусства, образованными, мыслящими людьми он был совершенно другим. «...Стоило только раз пробить ледяную оболочку, только раз проникнуть под личину суровости, родившейся в Лермонтове отчасти вследствие огорчений, отчасти просто через прихоть молодости, – для того чтоб разгадать сокровища любви, таившиеся в этой богатой натуре», – сделал вывод из бесед с людьми, близко знавшими Лермонтова и дружившими с ним, А.В. Дружинин [30, с. 322]. А проницательная Александра Осиповна Смирнова написала: «Лермонтов вовсе не дерзкий человек, как часто его в том обвиняют; свою природную застенчивость он маскирует притворной дерзостью» [31, с. 294].

Во всем блеске удивительного лермонтовского таланта развернулось его творчество в 1839 г. Он пишет программное стихотворение «Не верь себе» – об одиночестве и драматизме положения поэта в светском обществе, равнодушном и фальшивом. Лермонтов продолжает в этом произведении тему пушкинского стихотворения «Поэт и чернь», выплескивая свое негодование против светской «черни» и поэзии, превращенной толпой в забавную игрушку:

Поверь: для них смешон твой плач и твой
укор,
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным... [3, т. 2, с. 90]

Стихотворения «Ребенка милого рожденья»⁸, «Еврейская мелодия», «Три пальмы», «Памяти А.И. Одоевского», «Есть речи – значенье...», «В минуту жизни трудную...», «Дары Терека», «На буйном пиршестве задумчив он сидел», «Графиня Эмилия», поэмы «Беглец», «Сашка», «Сказка для детей», еще одна редакция «Демона», поэма «Мцыри», – далеко не полный перечень того, над чем работал поэт в это время. А.Н. Муравьев,

⁸ Стихотворение посвящено рождению сына близкого друга поэта, Алексея Александровича Лопухина. Мальчик назван Александром.

поэт и драматург, вспоминал о том, как Лермонтов завершал работу над «Мцыри»: «В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. «Что с тобою?» – спросил я. «Сядьте и слушайте, – сказал он, и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне от начала до конца свою великолепную поэму «Мцыри» (послушник по-грузински), которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера. Внимая ему, и сам я пришел в невольный восторг: так живо выхватил он из недр Кавказа одну из его разительных сцен и облек ее в живые образы перед очарованным взором. Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления. Много раз впоследствии перечитывал я его «Мцыри», но уже не та была свежесть красок, как при первом одушевленном чтении самого поэта» [32, с. 237].

С начала 1839 г. в «Отечественных записках» начал печататься роман «Герой нашего времени». «Портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии», характер «современного человека, каким... слишком часто встречал», «болезнь» своих современников, «историю души человеческой» – вот что стремился отразить Лермонтов в романе, вызвавшем недовольство государя Николая I.

«10 ½. Я работал и читал всего «Героя», который хорошо написан. <...> 7 часов вечера... За это время я дочитал до конца «Героя» и нахожу вторую часть отвратительной... Это то же самое изображение презренных и невероятных характеров, какие встречаются в нынешних иностранных романах. Такими романами портят нравы и ожесточают характер. И хотя эти кошачьи вздохи читаешь с отвращением, все-таки они производят болезненное действие. <...> Итак, я повторяю, по-моему, это жалкое дарование, оно указывает на извращенный ум автора» [33, с. 487], – писал император императрице. Увидев только «презренный» характер, император, вероятно, решил не замечать другого, очевидного – одаренную, масштабную, обладающую сильным и прозорливым умом, твердой волей и другими ценными качествами личность.

Загадочная и странная душа Печорина, историю которой рассказывал Лермонтов

читателям, открывается в целом ряде незабываемых эпизодов – и каждый из них демонстрирует ее неисчерпаемость, будь то неожиданный и страшный смех Печорина в сцене кончины Бэлы, его отчаянные и скорбные рыдания в тот момент, когда он пытается догнать бесконечно дорогую его сердцу Веру, или созерцание небесных светил и думы о том, принимают ли они «участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права» [2, с. 137]. Лермонтов с полной откровенностью рассказал в романе о Герое своего негероического времени – когда ушла в прошлое великая эпоха 1812 г., ее легендарные воины и называвшие себя «детьми 12-го года» декабристы, герои «обманутых надежд и горьких сожалений».

...Под новый 1840 г. поэт был на бале-маскараде в Благородном собрании, где присутствовал высший свет и особы царской фамилии. И.С. Тургенев вспоминал: «<...> Ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки, одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества» [34, с. 231]. «К Лермонтову подошли две маски, одна в розовом, другая в голубом домино. Инкогнито масок было кажущееся: все окружали подобострастным вниманием голубое и розовое домино, под которыми скрывались великие княгини. Говорят, что одна из них спросила поэта о причине скуки, другая подхватила: «Ему недостает прекрасных черкешенок...». В ответ поэт бросил: «Я готов служить вам черкесом, если эта порода мужчин вам нравится больше». Это было сказано зло и громко. Маски скрылись...» [11, с. 209-210].

...Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, –
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,

Погибших лет святые звуки... [3, т. 2, с. 106],

– написал поэт о новогоднем маскараде, и стихотворение вскоре появилось в «Отечественных записках». По мнению современников, после этого случая на балу за Лермонтовым установили тайное наблюдение. Нужен был только предлог, чтобы наказать дерзкого поэта.

...16 февраля 1840 г. на балу у графини Лаваль Лермонтов услышал оскорбительные реплики сына французского посланника Луи де Баранта, усомнившегося в национальном достоинстве и смелости русских. «Заносчивый француз получил от молодого поручика достойный ответ: «В России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и мы меньше других позволяем себя оскорблять»⁹, – пишет об истории второй ссылки Лермонтова на Кавказ Е.Б. Родина [35, с. 85]. За участие в поединке с Барантом Лермонтову грозило трехмесячное содержание в крепости и перевод в один из армейских полков.

Когда Лермонтов находился в Арсенальной гауптвахте на Литейной, к нему пускали только камердинера, приносившего обед. «Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажки и спички написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива», «Я, мать божия, ныне с молитвою», переделал старую пьесу «Отворите мне темницу», – вспоминал А.П. Шан-Гирей [16, с. 227-228]. Здесь же поэта навещал В.Г. Белинский. Около четырех часов говорили поэт и критик, и Белинский неоднократно вспоминал об этом разговоре в письмах и воспоминаниях. В.П. Боткину он писал с восторгом: «Недавно я был у него в заточении и в первый раз разговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного!.. О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!» [36, с. 364]. Вскоре после встречи с Белинским Лермонтов напишет стихотворение «Журналист, писатель и читатель», в котором слышится отголосок их беседы.

⁹ Существует версия, по которой дуэльная история М.Ю. Лермонтова и Э. де Баранта произошла из-за княгини Марии Александровны Щербатовой, которой были увлечены оба.

Николай I смягчил Лермонтову наказание, принимая во внимание причины, вынудившие поэта участвовать в поединке: «...не по одному личному неудовольствию с бароном де Барантом, но более из желания поддержать честь русского офицера» [35, с. 86]. «Смягчение» было условным и весьма сомнительным: Лермонтов мог погибнуть на Кавказе в первой же боевой стычке. На вечере у Карамзиных, почти перед самым отъездом на Кавказ, поэт прочел знаменитое стихотворение «Тучи» – об изгнании, одиночестве и глубине человеческого страдания:

...Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?
Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания
[3, т. 2, с. 131]

...Для умирения горцев, которых объединил под своей командой Шамиль, был создан экспедиционный отряд под командой генерала Галафеева, к которому Лермонтов был прикомандирован. 17 июня 1840 г. он написал А.А. Лопухину: «Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню, брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк!» [2, с. 455]. Лермонтов был прирожденным воином, «был отчаянно храбр, удивлял своею удалью даже старых кавказских джигитов» [37, с. 126], – воспроизводит В.А. Потто слова знавших Лермонтова на Кавказе офицеров. А К.Х. Мамацов был свидетелем того, как вел себя Лермонтов в одном из самых жарких боев – 11 июля 1840 г., когда «войска проходили дремучий гойтинский лес. Здесь-то, на берегах Валерика, грянул бой, составлявший своего рода кровавую эпопею нашей кавказской войны. <...>

Последний арьергадный батальон, при котором находились орудия Мамацова, слишком поспешно вышел из леса, и артиллерия осталась без прикрытия. Чеченцы разом изрубили боковую цепь и кинулись на пушки. В этот миг Мамацов увидел возле себя Лермонтова, который точно из земли вырос со своей командой. И как он был хо-

рош в красной шелковой рубашке, <...> рука сжимала рукоять кинжала» [24, с. 237]. Событиям сражения посвящено одно из самых ярких и запоминающихся лермонтовских стихотворений – «Валерик», созданное летом 1840 г.

В наградном списке генерала Галафеева о Лермонтове читаем: «Во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника о ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него (Лермонтова) опасностью от неприятеля, скрывавшегося за деревьями и кустами, но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы» [24, с. 241]. За этот бой генерал А.В. Галафеев представил отважного офицера М.Ю. Лермонтова к ордену Св. Владимира 4-й степени Высшего начальство изменило решение Галафеева – Лермонтов был представлен к другой награде – ордену Св. Станислава 3-й степени, но из «Валерикского представления» вычеркнут – государь император не изъявил монаршего соизволения на испрашиваемую награду...

Р.И. Дорохов, служивший с Лермонтовым в это время, писал М.В. Юзефовичу: «В последнюю экспедицию я командовал легкой сотнею казаков, <...> по силе моих ран сдал моих удалых налетов Лермонтову. Славный малый – честная, прямая душа – не сносить ему головы. Мы с ним подружились и расставались со слезами на глазах. <...> Он пылок и храбр...» [26, с. 480]. Сам факт передачи Лермонтову конной казачьей сотни говорит о многом – далеко не каждый смог бы командовать такими хладнокровными и бесстрашными людьми, среди которых кабардинцы, татары, русские. Генерал Галафеев отмечал в наградной характеристике: «Нельзя было сделать выбора удачнее, поручик Лермонтов везде первый подвергался выстрелам хищников и во всех делах оказывал самоотвержение и распорядительность выше всякой похвалы. Его всесторонняя одаренность и успешно перенятые у противника боевые качества партизанского отряда обеспечивали действиям максимальный эффект» [26, с. 499].

В рапорте командующего всей кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии полковника князя Д.Ф. Голицына сообщается не только о «хладнокровном мужестве», «отличной службе и распорядительности» Лермонтова в октябре–ноябре 1840 г., но и новое представление к награде – золотой саблей с надписью «За храбрость» [26, с. 503], которое вновь было отклонено...

Поэт и сам признавался, что «вошел во вкус войны» [2, с. 457], но мечты его были мирными. А.А. Лопухину он писал: «Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем. Варвара Александровна будет зевать за пальцами и, наконец, уснет от моего рассказа, а тебя вызовет в другую комнату управитель, и я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему сыну, который сделает мне кака на колена...» [2, с. 458]. Лермонтов мечтал об отставке, литературном труде, издании журнала, задумывал новый роман...

...В начале февраля 1841 г. Лермонтов приехал в Петербург – благодаря заступничеству и настоятельным просьбам бабушки, для свидания с нею. Командующий Кавказской линией П.Х. Граббе обратился к Лермонтову с просьбой передать личное письмо генералу А.Н. Ермолову, у которого некогда был адъютантом, что свидетельствует об абсолютном доверии к офицеру. Помимо этого, «командующий... справедливо рассчитывал, что тот расскажет Ермолову о реальном положении дел лучше, «нежели позволило бы то письменное изложение» [38, с. 205]. Вполне вероятно, что под впечатлением долгого разговора поэта с покорителем Кавказа было обдумано и завершено стихотворение «Спор», опубликованное в «Москвитянине».

Петербургские друзья встретили поэта с радостью, единодушно отмечая перемены, произошедшие в нем. «Период брожения пришел к концу» [39, с. 312], – пишет о Лермонтове А.А. Краевский. «Три месяца, проведенные Лермонтовым в столице, были, как я полагаю, самые счастливые и самые блестящие в его жизни, – вспоминала Е.П. Ростопчина. – Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и

приходил к нам читать их вечером. Веселое расположение духа проснулось в нем опять в этой дружеской обстановке, он придумывал какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили целые часы в веселом смехе благодаря его неисчерпаемой веселости» [24, с. 249]. В конце марта – начале апреля 1841 г. М.Ю. Лермонтов читал в салоне Е.П. Ростопчиной повесть «Штосс», написанную в романтическо-мистическом духе – совершенно иную, нежели повести, вошедшие в состав «Героя нашего времени». Он пробовал свои силы, как бы проверяя: а это ему подвластно?

В 1841 г. созданы «Завещание», «Отчизна»¹⁰, «Любил и я в былые годы», «На севере диком», «Графине Ростопчиной», «Спор», «Свиданье», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой», «Утес», «Тамара», «Сон», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Морская царевна», «Последнее новоселье», «Выхожу один я на дорогу»... Лермонтов, по словам А.В. Дружинина, «зрел с каждым новым произведением, ...что-то чудное носил под своим сердцем, как мать носит ребенка» [30, с. 323]. «Мы должны жить своею самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французским. Я многому научился у азиатов...<...> там на Востоке тайник богатых откровений!» [24, с. 247], – говорил он А.А. Краевскому. Историческая судьба России, ее прошлое, настоящее, грядущее Лермонтов мечтал воплотить в двух романах. Содержание первого – «из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем, с развязкою в Вене» [38, с. 205], второго – о Кавказе, Тифлисе и Ермолове, персидской трагедии – гибели Грибоедова.

Надежды Лермонтова на желанную отставку не оправдались. Поэту было приказано оставить в Петербург «в 48 часов» и ехать в полк в Шуру.

В.И. Красов, короткое время учившийся с Лермонтовым в университете, увидел поэта по дороге на Кавказ в Москве, в зале Благородного собрания: «...Как он изменился! Целый вечер я не сводил с него глаз. Какое энергическое, простое, львиное лицо. Он был

¹⁰ Так называлось в автографе стихотворение «Родина» («Люблю отчизну я, но странною любовью...»)

грустен, и, когда уходил из собрания в своем армейском мундире и с кавказским кивером, у меня сжалось сердце – так мне его жаль было!» [40, с. 380]. 9 мая 1841 г. Лермонтов прибыл в Ставрополь, а 13 мая – в Пятигорск.

13 июля 1841 г. в доме Верзилиных случилась ссора, о которой Э.А. Шан-Гирей рассказала следующее: «13 июля собралось к нам несколько девиц и мужчин и порешили не ехать на собрание, а провести вечер дома... Михаил Юрьевич дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, уселись мирно разговаривать. К нам присоединился Л.С. Пушкин, и принялись они вдвоем острить свой язык а *gui mieuх*...¹¹ Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его «*montagnard au grand poignard*»¹² (Мартынов носил черкеску и замечательной величины кинжал). Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово «*poignard*» разнеслось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: «Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах», и так быстро отвернулся и пошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на мое замечание «язык мой – враг мой» Михаил Юрьевич спокойно отвечал спокойно: «*Ce nest rien; demain nous serons bons amis*»¹³. Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора. На другой день Лермонтов и Столыпин должны были ехать в Железноводск. После уж рассказывали мне, что когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: «Что ж, на дуэль что ли вызовешь меня за это?». Мартынов ответил решительно: «Да», и тут же назначили день» [41, с. 432].

Размолвки между приятелями, учившимися вместе в Школе гвардейских подпорщиков и кавалерийских юнкеров, случались

и раньше, и Лермонтов, безусловно, не мог предположить, что его шутка завершится дуэлью. «Поссорились случайно из-за пустяков два друга, не соблюли достаточного такта в последующих объяснениях, создали из случая вопрос чести и пошли разрешать его к подножию горы Машук» [42, с. 40] – читаем в исследовании одного из первых, специально занимавшихся вопросом дуэли лермонтоведа, организатора музейного дела, попечителя Лермонтовского Кавказского музея («Домика Лермонтова») в 1915–1916 гг. Д.М. Павлова «Дуэль Лермонтова». О дуэли написано так много, что история ее разрослась и стала вопросом большим, сложным и даже запутанным. А единственно важным остается то, что 15 июля 1841 г. в четырех верстах от Пятигорска у подошвы горы Машук Лермонтов был убит. «Он упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения, ни назад, ни вперед, не успев даже захватить больное место, как это делают обычно люди раненые...» [43, с. 471]. Поэта не стало.

«...Когда собрались все к панихиде, – вспоминала о дне скорбных похорон Э.П. Шан-Гирей, – долго ждали священника, который с большим трудом согласился хоронить Лермонтова, уступив убедительным и неотступным просьбам кн. Васильчикова и других, но с условием, чтобы не было музыки и никакого парада. Наконец приехал отец Павел, но, увидев на дворе оркестр, тотчас повернул назад; музыку мгновенно отправили... Наконец все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище; гроб несли товарищи; народу было много, и все шли за гробом в каком-то благоговейном молчании... Так было тихо, что только слышен был шорох сухой травы под ногами...» [41, с. 434-435].

Почему даже в юбилейные дни, посвященные рождению поэта, мы говорим о его гибели? Потому что перед несправедливостью, нелепостью случившегося непримиримо и страстно замирает душа.

«Как часто, внимательно расчлняя по годам им написанное, мы с болью видели, что, отняв только написанное за шесть месяцев рокового 1841 г., мы уже не имели бы Лермонтова в том объеме и значительности, как имеем его теперь. До того быстро, бурно, именно «вешним способом» шло, подымаясь и подымаясь, его творчество, – писал В.В. Розанов. – В этом последнем году им

¹¹ наперебой.

¹² горец с большим кинжалом.

¹³ Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями.

написано: «Есть речи – значенье», «Люблю отчизну я, но странною любовью», «Последнее новоселье», «Из-под таинственной, холодной полумаски», «Это случилось в последние годы», «Не смейся над моей пророческой тоскою», «Сказка для детей», «Спор», «В полдневный жар», «Ночевала тучка», «Дубовый листок», «Выхожу один я», «Морская царевна», «Пророк». Если бы еще полгода, полтора года; если бы хоть небольшой еще пук таких стихов...» [44, с. 329].

Размышляя о Лермонтове и его значении в русской литературе, Ф.М. Достоевский писал: «...Чуть лишь он коснется народа, тут он светел и ясен. Он любит русского солдата, казака, он чтит народ. И вот он раз пишет бессмертную песню о том, как молодой купец Калашников, убив за бесчестье свое государева опричника Кирибеевича и призванный царем Иваном пред грозные его очи, отвечает ему, что убил он государева слугу «вольной волею, а не нехотя»... Остался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта, тоже признавшего правду народную, а может быть, и истинного печальника горя народного» [45, с. 117-118].

Давая высочайшую оценку прозе Лермонтова («Никто еще не писал у нас такую правильной, прекрасной и благоуханной прозой»), Н.В. Гоголь подчеркивал, что в Лермонтове «готовился будущий живописец русского быта» [46, с.403]. Великие последователи Лермонтова выделяли в нем то, что было близко им самим, ведь Гоголь блестяще живописал русский и малороссийский быт, а Достоевский сам был «печальником народным». Величайшую утрату русской словесности в М.Ю. Лермонтове указал философ В.В. Розанов: «В Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы, общее – духовной жизни, а не был сломлен, хотя бы и огромный, но только побочный сук» [44, с. 317]. В поэте, которому был отмерен крохотный срок земной жизни, Розанов почувствовал вершину русского духовного развития. Именно в Лермонтове была заложена неосуществившаяся перспектива развития русской литературы, границ которой и сегодня мы не знаем. Трудно сказать, каков был бы путь отечественной словесности, если бы поэт, оставшийся «вечным юношей», смог прожить полноценный человеческий век.

1. Панаев И.И. Литературные воспоминания. Л., 1928.
2. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. Проза. Письма. М., 1976.
3. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 2000.
4. См.: Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 2004.
5. Остряков А.П. Мои воспоминания (из личного фонда Г.И. Ходяковой. ГАТО. Ф. Р-5343. Тамбов, 2007.
6. Энциклопедический словарь. Т. 32. Тай-Термиты / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. Спб., 1901.
7. Иеромонах Нестор (Кумыш В.Ю.). Пророческий смысл творчества М.Ю. Лермонтова. Спб., 2006.
8. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 6 т. Москва; Ленинград, 1954–1957. Т. 2.
9. Муравьев Д.П. «Молитва» («Не обвиняй меня, всесильный») // Лермонтовская энциклопедия. М., 1999.
10. Сиротин В. Лермонтов и христианство // М.Ю. Лермонтов и православие: сборник статей о творчестве М.Ю. Лермонтова. М., 2010.
11. Иванов С.В. Лермонтов. М., 1938.
12. Коровин В.И. М.Ю. Лермонтов // История русской литературы XIX века: в 3 ч. / под ред. В.И. Коровина. Ч. 2 (1840–1860 годы). М., 2005.
13. Беличенко Ю.Н. Лета Лермонтова: Документальное повествование и биографии великого поэта, ее загадках и темных местах. М., 2001.
14. Отечественные записки. Т. 18. Кн. 9.
15. Усок И. Михаил Юрьевич Лермонтов // Русские писатели в Москве. М., 1977.
16. Шан-Гирей А.П. М.Ю. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
17. Мануйлов В.А., Назарова Л.Н. Лермонтов в Петербурге. Л., 1984.
18. Коровин В.И. М.Ю. Лермонтов в жизни и творчестве. М., 2003.
19. Манвелов Н.Н. Воспоминания, относящиеся к рисункам тетради М.Ю. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
20. Меринский М.Ю. Лермонтов в юнкерской школе // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
21. Бурнашев В.П. Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
22. Котляревский Н. Лермонтов в светском обществе // Покровский В. М.Ю. Лермонтов. Его жизнь и сочинения: сборник историко-литературных статей. М., 1914.

23. *Дружинин А.В.* Сочинения Лермонтова // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959.
  24. *Гусляров Е.Н.* Лермонтов в жизни. Систематизированный свод подлинных свидетельств современников. М., 2003.
  25. *Мордвинов Н.Д.* Мой Арбенин // Учительская газета. 1964. 15 октября.
  26. *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003.
  27. *Пешков В.П.* Страницы прошлого читая... Тамбов, 2004.
  28. *Ростопчина Е.П.* Из письма к Александру Дюма // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
  29. *Скатов Н.Н.* Всеведенье пророка // Литература в школе. 2005. № 8.
  30. *Дружинин А.В.* Из статьи «Сочинения Лермонтова» // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
  31. *Смирнова О.Н.* О стихотворении «А.О. Смирновой» // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
  32. *Муравьев А.Н.* Знакомство с русскими поэтами // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
  33. *Николай I.* Из письма к императрице // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
  34. *Тургенев И.С.* Статьи и воспоминания. М., 1981.
  35. *Родина Е.Б.* «В далеком северном краю» // М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. По фондовым материалам Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Гарханы». М., 2013.
  36. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. Письма 1829–1848 годов. М., 1982.
  37. *Потто В.А.* История 44-го драгунского Нижегородского полка. Ч. 4. СПб., 1984.
  38. *Родина Е.Б.* «Кавказ! Далекая страна!» // М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. По фондовым материалам Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Гарханы». М., 2013.
  39. *Краевский А.А.* Воспоминания (В пересказе П.А. Висковатова) // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
  40. *Красов В.И.* Из письма к А.А. Краевскому. Июль 1841 г. // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
  41. *Шан-Гирей Э.А.* Воспоминание о Лермонтове // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
  42. *Павлов Д.М.* Дуэль Лермонтова // Филологические записки. Воронеж, 1917. Вып. 1.
  43. *Васильчиков А.И.* Несколько слов о кончине М.Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н.С. Мартыновым // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
  44. *Розанов В.В.* «Вечно печальная дуэль» // М.Ю. Лермонтов: PRO ET KONTRA. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2002.
  45. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Публицистика и письма. Л., 1984.
  46. *Гоголь Н.В.* В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М., 1952. Т. 8.
-
1. *Panaev I.I.* Literaturnye vospominaniya. L., 1928.
  2. *Lermontov M.Yu.* Sbranie sochineniy: v 4 t. T. 4. Proza. Pis'ma. M., 1976.
  3. *Lermontov M.Yu.* Polnoe sbranie sochineniy: v 10 t. M., 2000.
  4. Sm.: *Viskovatov P.A.* Mikhail Yur'evich Lermontov. Zhizn' i tvorchestvo. M., 2004.
  5. *Ostryakov A.P.* Moi vospominaniya (iz lichnogo fonda G.I. Khodyakovoy. GATO. F. R-5343. Tambov, 2007.
  6. Entsiklopedicheskiy slovar'. T. 32. Tay-Termity / izd. F.A. Brokgauz, I.A. Efron. Spb., 1901.
  7. Ieromonakh Nestor (Kumysh V.Yu.). Prorocheskiy smysl tvorchestva M.Yu. Lermontova. SPb., 2006.
  8. *Lermontov M.Yu.* Sochineniya: v 6 t. Moskva; Leningrad, 1954–1957. T. 2.
  9. *Murav'ev D.P.* “Molitva” (“Ne obvinay menya, vsesil'nyy”) // Lermontovskaya entsiklopediya. M., 1999.
  10. *Sirotin V.* Lermontov i khristianstvo // M.Yu. Lermontov i pravoslavie: sbornik statey o tvorchestve M.Yu. Lermontova. M., 2010.
  11. *Ivanov S.V.* Lermontov. M., 1938.
  12. *Korovin V.I.* M.Yu. Lermontov // Istoriya russkoy literatury XIX veka: v 3 ch. / pod red. V.I. Korovina. Ch. 2 (1840–1860 gody). M., 2005.
  13. *Belichenko Yu.N.* Leta Lermontova: Dokumental'noe povestvovanie i biografii velikogo poeta, ee zagadkakh i temnykh mestakh. M., 2001.
  14. Otechestvennye zapiski. T. 18. Kn. 9.
  15. *Usok I.* Mikhail Yur'evich Lermontov // Russkie pisateli v Moskve. M., 1977.
  16. *Shan-Girey A.P.* M.Yu. Lermontov // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  17. *Manuylov V.A., Nazarova L.N.* Lermontov v Peterburge. L., 1984.
  18. *Korovin V.I.* M.Yu. Lermontov v zhizni i tvorchestve. M., 2003.
  19. *Manvelov N.N.* Vospominaniya, odnosyashchiesya k risunkam tetradi M.Yu. Ler-

- montova // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
20. Merinskiy M.Yu. Lermontov v yunkerskoy shkole // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  21. Burnashev V.P. Mikhail Yur'evich Lermontov v rasskazakh ego gvardeyskikh odnokashnikov // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  22. Kotlyarevskiy N. Lermontov v svetskom obshchestve // Pokrovskiy V. M.Yu. Lermontov. Ego zhizn' i sochineniya: sbornik istoriko-literaturnykh statey. M., 1914.
  23. Druzhinin A.V. Sochineniya Lermontova // Literaturnoe nasledstvo. T. 67. M., 1959.
  24. Guslyarov E.N. Lermontov v zhizni. Sistematizirovanny svod podlinnykh svidetel'stv sovremennikov. M., 2003.
  25. Mordvinov N.D. Moy Arbenin // Uchitel'skaya gazeta. 1964. 15 oktyabrya.
  26. Zakharov V.A. Letopis' zhizni i tvorchestva M.Yu. Lermontova. M., 2003.
  27. Peshkov V.P. Stranitsy proshlogo chitaya... Tambov, 2004.
  28. Rostopchina E.P. Iz pis'ma k Aleksandru Dyuma // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  29. Skatov N.N. Vseveden'e proroka // Literaturna v shkole. 2005. № 8.
  30. Druzhinin A.V. Iz stat'i "Sochineniya Lermontova" // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  31. Smirnova O.N. O stikhotvorenii "A.O. Smirnovoy" // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  32. Murav'ev A.N. Znakomstvo s russkimi poetami // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  33. Nikolay I. Iz pis'ma k imperatritse // M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  34. Turgenev I.S. Stat'i i vospominaniya. M., 1981.
  35. Rodina E.B. "V dalekom severnom krayu" // M.Yu. Lermontov. Zhizn' i tvorchestvo. Po fondovym materialam Gosudarstvennogo Lermontovskogo muzeya-zapovednika "Tarkhany". M., 2013.
  36. Belinskiy V.G. Sobranie sochineniy: v 9 t. T. 9. Pis'ma 1829–1848 godov. M., 1982.
  37. Potto V.A. Istoriya 44-go dragunskogo Nizhegorodskogo polka. Ch. 4. SPb., 1984.
  38. Rodina E.B. "Kavkaz! Dalekaya strana!" // M.Yu. Lermontov. Zhizn' i tvorchestvo. Po fondovym materialam Gosudarstvennogo Lermontovskogo muzeya-zapovednika "Tarkhany". M., 2013.
  39. Kraevskiy A.A. Vospominaniya (V pereskaze P.A. Viskovatova) // M.Yu. Lermontov vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  40. Krasov V.I. Iz pis'ma k A.A. Kraevskomu. Iyul' 1841 g. // M.Yu. Lermontov vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  41. Shan-Girey E.A. Vospominanie o Lermontove // M.Yu. Lermontov vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  42. Pavlov D.M. Duel' Lermontova // Filologicheskie zapiski. Voronezh, 1917. Vyp. 1.
  43. Vasil'chikov A.I. Neskol'ko slov o konchine M.Yu. Lermontova i o dueli ego s N.S. Martynovym // M.Yu. Lermontov vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.
  44. Rozanov V.V. "Vechno pechal'naya duel'" // M.Yu. Lermontov: PRO ET KONTRA. Lichnost' i tvorchestvo Mikhaila Lermontova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya. SPb., 2002.
  45. Dostoevskiy F.M. Dnevnik pisatelya // Dostoevskiy F.M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. T. 26. Publitsistika i pis'ma. L., 1984.
  46. Gogol' N.V. V chem zhe, nakonets, sushchestvo russkoy poezii i v chem ee osobennost' // Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t. M., 1952. T. 8.

Поступила в редакцию 10.09.2014 г.

UDC 821.111(73)

"HE WAS BORN FOR FAME, FOR HOPES AND PEACEFUL INSPIRATIONS...": MIKHAIL YUR'EVICH LERMONTOV IN LIFE AND ART

Galina Borisovna BUYANOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department, e-mail: galina_buyanova@mail.ru

The main stages of the life and works of Mikhail Yuryevich Lermontov are considered. On the basis of analysis of the poet's works, letters to relatives and friends, many memories of contemporaries the life details and career of the writer are restored, important works made in a given period of creativity are shown. It is emphasized that M.Y. Lermontov is the successor of the best traditions Russian philology, A.S. Pushkin's successor. His poetry was born in that era is gone when the heroic era of 1812 and the best forces of Russian aristocratic intelligentsia were defeated. The lyrical hero of Lermontov's poetry, his dramas and prose stress reflects on his vocation, about the impossibility to realize the strength and ability to live necessary Fatherland fact, living a dream about the feat. The scale and nature of the various relations of lyrical poetry of Lermontov with God, with heaven, with nature, with people explain, "Do not blame me, the all-powerful", "Palestine Branch", "Three Palms", "In a moment of life is hard", "I, Mother of God, now in prayer ...", poem "Demon", novel "Hero of Our Time" and other works of the writer. Attention is given to biographism of M.Y. Lermontov's creativity, rare gift of transformation inherent to M.Y. Lermontov.

tov, piercing lyricism of his works. Center of artistic creativity of M.Y. Lermontov is the soul of the author – a fearless, passionate and sincere, a poet's work is regarded as one of the greatest spiritual heights of Russian literature.

Key words: theme of Lermontov's lyrics; traditions of Russian philology; a sense of chosenness and doomed to loneliness; biographism of creativity; Lermontov's lyricism; formation of Russian realistic prose; spiritual pinnacle of Russian literature.